

Дмитрий Медведев был тверд в оценках ситуации в стране.
Фото РИА Новости/AFP

Вчера президент Дмитрий Медведев продолжил разговор со страной, начатый во вторник на Госсовете, – теперь в форме интервью пяти телеканалам. Глава государства не стал конкретизировать ни мероприятий на своем будущем посту премьера, ни изменений в правительстве. Зато расставил важные акценты в целеполагании тандема – который, как выясняется, продолжит существование в полном согласии.

Дмитрий Медведев выглядел уверенным и довольным всем: работой на президентском посту, деятельностью правительства, партией, которую вот-вот возглавит, а также разумным поведением оппозиции, имеющей право высказывать свое мнение на митингах. Представители телеканалов забрасывали вопросами главу государства, иногда перебивая друг друга.

Медведев в ответ благожелательно кивал, улыбался и терпеливо объяснял, что и как. Правда, глаза его не улыбались, и была в них грусть, словно от сознания несовершенства мира.

Как-то так получилось, что Медведев в описании целей и задач будущего правительства обошелся без понятия «модернизация». Зато работу нынешнего кабинета министров он оценил кратко, но емко и исключительно в восторженных тонах: «Супер просто, это на самом деле то, что надо (это об инфляции. – «НГ»). Если бы удалось удержать ее в рамках 4–5%, мы тогда сможем развязать очень многие проблемы, в том числе ипотечные». Президент действительно верит в то, что ставка по ипотеке вскоре упадет до 7–8%, а значит, и квартирный вопрос не будет больше мучить большинство россиян. Если Медведев возглавит правительство, он «удержит и улучшит» макроэкономические параметры экономики.

С Путиным Медведева связывают не только «политическое взаимодействие, но и

человеческая дружба». Compliments в адрес нынешнего правительства помимо подчеркнутой лояльности товарищу по тандему несут и другую смысловую нагрузку. Не столь приятную для оценщика. Высший балл, выставленный Белому дому, рождает риски для Медведева. Если в будущем все пойдет не так, как обещано, и радужные перспективы уйдут за горизонт, вина за провалы ляжет на того, кто принял хозяйство страны в превосходном состоянии. Это будет личная вина нового премьера. Который вчера, кстати, вынужден был признать, что российская экономика по-прежнему имеет сырьевой характер – 70% экспорта и сегодня составляют углеводороды.

Любопытен ответ Медведева на вопрос о цензуре на телеканалах – в связи с планами создания в России Общественного телевидения (ОТ). Он выразился предельно обтекаемо, словно впервые услышал об этом печальном явлении: «Цензура, напомню, у нас Конституцией запрещена. И если она где-либо появляется, это повод для вмешательства государства». Зато Медведев подробно рассказал, как счастливы будут граждане, получившие возможность смотреть ОТ, «которое, возможно, будет нейтральным».

Иногда Медведев мягко посмеивался над приглашенными журналистами. Например, объяснив, почему побывал на «Дожде»: «Они меня просто пригласили, а вы – нет!» Такой ответ привел в ступор небольшую аудиторию в студии. И большую – в стране.

Посерьезнев, глава государства заговорил о своих отношениях с партией власти. Он доволен ею: «Какая партия популярнее? Ну, все остальные-то явно менее популярны». При этом Медведев уверен, что «Единая Россия» «должна быть центристско-консервативной силой в стране». Это определение он повторил дважды, посетовав на отсутствие социал-демократической партии: «Весь мир, как правило, развивается между двумя флангами – с одной стороны, консервативно-центристские силы, с другой – социал-демократы».

В партийно-политическом раскладе, обозначенном Медведевым, не нашлось места ни демократическим силам, ни праволиберальным структурам. Идеи, лежащие в основе его давней статьи «Россия, вперед!», оказались вынесенными за скобки, как и понятие «модернизация» при описании задач будущего правительства. Почему-то в высказывании президента консерватизм российских единокороссов приравнен к западному. Хотя между столпом отечественного консерватизма Андреем Исаевым и, к примеру, Маргарет Тэтчер общего нет ничего. Консерватизм в России тождественен государственно-монополистическому капитализму. На Западе это понятие связано прежде всего с защитой института частной собственности, столь ненавистного нашим

«консерваторам».

При этом Медведев в своих оценках ситуации в стране был тверд. Традиционный вопрос о судьбе Михаила Ходорковского он явно ждал: нет, он не пойдет на помилование экс-владельца ЮКОСа, не получив от него прощения. При этом главу государства не смущает, что после помилования Сергея Мохнаткина отпал один из прежних аргументов власти: заключенный должен признать свою вину. Президент сослался на 50-ю статью Конституции, где сказано, что «каждый осужденный за преступление имеет право... просить о помиловании». Якобы именно Основной закон вынуждает президента ждать прощения. Между тем в ст. 89 Конституции прямо сказано: «Президент осуществляет помилование». И точка. Да и в 50-й статье сказано лишь о праве заключенного просить помилования. Вопрос: с каких пор одно из прав заключенного стало препятствием для проявления президентской воли? Почему это право рассматривается как неперемное условие помилования, как ведомственная инструкция, как подзаконный акт?

Интересен ответ Медведева на вопрос о декабрьских митингах. Президент признает за гражданами право высказывать свое мнение таким образом. Однако напоминает, что люди, вышедшие на Болотную площадь, составляют меньшинство населения страны. А ведь есть еще и большинство, которое думает иначе. Вот это и есть подлинная демократия, подчеркнул президент, – стоять на страже интересов большинства.

Ближе к концу интервью Дмитрий Медведев объявил о готовности стать членом «Единой России». Что уже не выглядело сенсацией.